

АЛЕКСАНДР
ЧИНЕНКОВ

12+

Op84

Ч-63

A-412425

Урал-
БАТЮШКА

Редут Жёлтый

Часть I

ДВА БЕРЕГА РЕКИ

1

Отрядный посёлок Оренбургского казачьего войска Жёлтый привольно расположился над широкой поймой Сакмары с заливными лугами и приречным лесом. За рекой возвышались южные отроги Уральского хребта, а к югу, в сторону Урала раскинулась бескрайняя волнистая степь. Вокруг посёлка протекало множество малых речек и родников, лес и степи изобиловали разнообразием зверей и дичи, а Сакмара и озёра были полны рыбы.

Форпост Жёлтый был основан по приказу губернатора Ивана Ивановича Неплюева 14 сентября 1742 года. Проводя работы по укреплению Оренбургской пограничной военной линии, по левому берегу Сакмары казаки заложили также Пречистенскую и Воздвиженскую крепости, Никитинский редут.

Название посёлок получил благодаря яру с обнажённой желтоватой глиной...

* * *

Шёл 1883 год...

Изба Чернобровиных стояла посреди посёлка, рядом с часовней. Её срубил из лиственки ещё дед Пантелея Исаевича Чернобровина, а сейчас в ней проживал он сам и его семья: жена Агриппина, младшая дочь Тамара, шестнадцатилетняя красавица, и сын Матвей, двадцатипятилетний казак. Он, по словам отца, был «молод годами, да нравом крут, стервец».

У Чернобровиных были ещё двое детей — старший сын Авдей и дочь Маруся. Но жили они только в воспоминаниях семьи. Авдей вместе с дедом, отцом Пантелея Исаевича, погиб десять лет назад во время схватки с кайсаками, угнавшими поселковый скот, а дочь Маруся вышла замуж и уехала жить на Кавказ. Чернобровины давно её не видели и ничего о ней не слышали.

Несмотря на годы, изба была ещё крепкой и справной. Подгнивший передний венец в задней комнате и скрипящие под ногами домо-

чадцев полы соседствовали с радовавшим глаз потолком из добротных досок, ровными крепкими стенами, в которые с трудом лез и гнулся кованый гвоздь.

Изба была просторной, светлой и тёплой. Слева, на оконном косяке в передней комнате, висела керосиновая лампа. Тут же стоял большой, всегда покрытый чистой белой скатертью стол, за которым семья собиралась вкушать пищу, которую, как обычно говорил Пантелей Исаевич, «Бог послал».

Слева у стены стояла широкая скрипучая железная кровать на чурбачках под ножками, чтобы была повыше. На ней спал Пантелей Исаевич с супругой Агриппиной Ивановной. Койка, на которой спала Тамара, находилась за печкой, ну а Матвей почивал в задней комнате.

Семья считалась зажиточной в посёлке, но жили Чернобровины скромно, не выделяясь.

В передней комнате, кроме кровати родителей и стола, справа у стены, в углу, была божница с иконами. Самая большая — икона покровительницы казаков — Казанской Божьей Матери. Чуть меньше — лики Николая-угодника с поднятой двуперстным крестом рукой, распятием Христа, архангела Михаила, святых угодников, крылатых ангелов и архангелов. На полке, перед каждой иконой — наплывы воска от плавающих при горении свечей.

Из мебели присутствовали старинный кованый сундук, с неприкасаемыми вещами родителей, служивший межкомнатной перегородкой комод-сервант, ларь для муки и полки для посуды, рядом шкаф для хранения постельного белья. Вот и вся обстановка в избе Чернобровиных, а во дворе...

Во дворе — огород за избой, там же баня и колодец. Чуть правее хлев, в котором содержались под одной крышей две лошади, корова, тёлка-двухлетка, бычок и народившаяся весной тёлочка. Ещё в хозяйстве имелись десятков кур, десятков гусей и две большие собаки — верные сторожа хозяйства.

Всю ночь Матвей спал плохо, ворочаясь с боку на бок. Сон не шёл. Уснуть не давали мысли о приближении утра. Молодой казак дожидался его наступления по двум причинам. Первая — храп отца. Вся семья, в том числе и Матвей, уже давно привыкла к этому неуправляемому явлению. Пантелей Исаевич начинал храпеть сразу, как только ложился на кровать и касался головой подушки. Бывало, умается за день, пообедаёт — и на койку, вниз животом, вздремнёт на часок. И тут же начинал хра-

петь, раскинув во все стороны руки и ноги, заняв всю кровать. Но если днём на его храп совсем не обращали внимания, то ночью...

Минувшей ночью Пантелей Исаевич «старался» всюю. Матвей не спал, слушая его густой, богатырский храп, который вывел из себя даже матушку.

— Да повернись же ты на бок, Пантелей! — время от времени тормошила она его. — У меня скоро голова разломится от твоего шума!

Отец что-то бурчал в ответ, поворачивался, скрипя пружинами койки, и, сменив позу, продолжал храпеть так же громко и «мелодично».

Вторая причина, по которой Матвей дожидался утра, была связана с воскресным базаром. Он, как и все желтинцы, любил посещать это место всевозможной торговли, встреч и развлечений.

Матвей должен был помочь соседу и другу Сабиржану Бакиеву выбрать коня у приезжающих торговать животными цыган или степняков киргиз-кайсаков. Киргизы продавали лошадей дешевле, и выбор всегда был большим.

Многодетная семья Бакиевых жила небогато. Если Чернобровины могли себе позволить купить военное снаряжение, то Бакиевым приходилось на него копить. Снаряжение для казака было обязательным и строго контролировалось атаманом. Обстоятельство, что приобрести за свои деньги строевых лошадей, обмундирование и снаряжение, стоило очень дорого, в расчёт не бралось совсем.

* * *

Как обычно, рано утром первой проснулась мать. Она разбудила Тamarу, и, гремя вёдрами, они вышли из избы подоить корову и выпустить животных в табун.

Задремавший Матвей открыл глаза и, не услышав храпа отца, сделал вывод, что родитель уже не спит и вот-вот встанет с кровати. И вдруг...

— Ты уже не спишь, Матюха? — послышался вопрос Пантелея Исаевича.

— Нет, папа, сейчас уже встаю, — ответил тот отцу, потягиваясь и зевая.

— На базар идти за ночь не передумал? — снова спросил отец, скрипя пружинами койки и поворачиваясь со спины на бок.

— А почему тебя это интересует? — удивился Матвей.

Пантелей Исаевич сначала повременил с ответом, а затем, вздыхая, сказал:

АЛЕКСАНДР ЧИНЕНКОВ

— Тамара наша красавицей писаной становится. Годков всего шестнадцать, а выглядит на все двадцать.

— И что? — посмотрел в сторону койки отца Матвей. — К чему ты этот разговор завёл, папа?

Пантелей Исаевич снова повременил с ответом.

* * *

Пододвиг корову, Агриппина Ивановна встала со скамеечки и протянула дочери ведро с молоком.

— О-о-ох, что-то в глазах темно и внутри тошно, — сказала она, берясь обеими руками за поясницу.

— Тебе худо, мама? — заволновалась Тамара. — Говорила тебе, давай я корову подою, так ведь нет, ты сама под неё полезла.

— Ни при чём тут корова, и поясница сейчас пройдёт, — вздохнула женщина. — Душа беду какую-то чует. Уж который день беспокойство душу терзает.

— Да ничего, пройдёт, — улыбнулась ей дочь. — Войны покуда нет, и мы, слава богу, живём в довольстве.

— Живём покуда, хвала Господу, — вздохнула Агриппина Ивановна. — Ладно, я скотину со двора выпровожу, а ты ступай в избу и стол к завтраку накрывай.

Пожав плечами, Тамара с ведром в руке направилась к крыльцу, а мать, помахивая прутиком, пошагала к воротам выпускать в табун скотину.

* * *

— А разговор мой к тому, сынок, что за Тамару нам с матушкой боязно, — сказал Пантелей Исаевич, вставая. — Вон месяц назад в Пречистенке деваху украли, а весной — в Гирьяле. Участились случаи краж девок, как считаешь?

— Участились, так считаю, — ответил Матвей, тоже вставая. — Ты полагаешь, что и с Тамарой нашей такое стрястись может?

Отец вздохнул и стал натягивать портки.

— Не хочу думать о том, да беспокойные мысли сами собой в башку лезут, — сказал он. — Вот нынче она на базар собралась, а я весь в сомнениях, отпускать или не отпускать.

Матвей пожал плечами.

— Если сомневаешься, то не пускай её на базар нынче, — сказал он. — Хотя... она ведь не одна, а с подругой идти собирается, а мне за ней приглядывать некогда будет.

Отец покачал головой.

— Нет, не пойдёт так, — сказал он. — Ты уйдёшь, а она изведёт нас с матерью своими слезами.

— Так она и сама терпеть не может, если я приглядывать за ней буду, — помрачнел Матвей. — Тамара будет бегать от меня, как от чумного, а я... Мне придётся бегать за ней, так что ли?

— Не хочишь бегать, так с собой рядом её держи, — хмуро возразил отец. — Тамара тебе сестра, тем более младшая, и ты всегда помни об этом.

Дверь открылась, и в избу вошла девушка. Отец и сын сразу же прекратили разговор.

* * *

Жёлтинский базар, как и в других посёлках, проводился по средам и воскресеньям. На площадь с раннего утра со всех округ на телегах съезжались люди. Дни торговли выпадали разные — то густо, то пусто. Если в базарный день съезжалось мало народа, это означало, что торговцы собрались в Пречистенке или Воздвиженке. Ну а если на базарной площади протолкнуться негде, то значит, все приехали торговать и покупать в посёлок Жёлтый!

Базары выглядели везде одинаково. Тут продавали съестные припасы, разложенные на прилавках торговых рядов. Отдельно от рядов стояли телеги, с которых торговали овощами, поросятами, птицей, сметаной, творогом и различной домашней выпечкой. Торговля на базаре велась и с развалов: прямо на земле на рогожах продавцы раскладывали всякую всячину. Ещё по всему базару шла бойкая торговля с рук и вразнос корзинами, решетами, ложками, кожами, замками, ключами, иконами, посудой, книгами и прочим кустарным товаром. Вразнос торговали и съестным — грибами, копчёной и сушёной рыбой, леденцами, лесной ягодой, табаком, папиросами и пирожными.

Базарная толпа производила много шума. Торговцы зазывали покупателей, шумели пьяные, нищие попрошайки, выпрашивающие милостыню. Тут же играли гармошки, изредка шарманки, а разнообразные бродячие ремесленники и сапожники предлагали свои услуги — наточить ножи, починить обувь.

На восточной окраине базара велась оживлённая торговля коровами, телятами, верблюдами и лошадьми. Посредине площадки находились прясла, в которые заводили и устанавливали для осмотра покупателями облюбованных ими лошадей. Главными действующими лицами

в конной торговле в основном были цыгане. Они усиленно орали, горланили, стараясь криками убедить покупателей в отличных качествах продаваемых лошадей.

Рядом с торгующими лошадьми цыганами «скромно» располагались степняки. Киргиз-кайсаки торговали верблюжьей и овечьей шерстью, шкурами, малахаями, верблюдами и овцами. Хозяева товара сидели в юрте и день напролёт пили чай, а продавали их слуги.

Прежде чем войти на базарную площадь, Матвей Чернобровин и Сабиржан Бакиев остановились. Вместе с ними застыли следовавшие сзади их сестры — Тамара и Айгуль.

— Ого?! — воскликнул Матвей, сдвигая на затылок картуз. — Сегодня что за день такой? Сколько же народу к нам на базар съехалось?!

Сабиржан привстал на цыпочки и посмотрел в сторону, где шла торговля лошадьми.

— А нам что, со всеми обниматься и целоваться? — сказал он угрюмо. — Мы коня выбирать пришли, а не по рядам толкаться.

— А мы как раз для того и пришли, — хохотнули девушки, во все глаза глядя в сторону торговых рядов. — Нам лошади не нужны, нам...

— Слушайте меня, красавицы! — повышая голос, строго посмотрел на них Матвей. — Здесь вы будете делать то, что я скажу, и находиться там, где я укажу. Если вы не согласны, то обеих сейчас же в обрат по избам отправлю.

— А как ты меня отправишь? — надула губки Айгуль. — Я не твоя сестра, я...

— А тебя я домой отправлю! — прикрикнул на сестру Сабиржан. — Я твой старший брат, и ты будешь делать всё, что я скажу, если слов Матвея тебе недостаточно.

2

Сын кайсацкого бия Саида Ирек с самого утра стоял в стороне от входа на площадь и, не привлекая к себе внимания, внимательно наблюдал за всеми, кто приходил на базар. Он нервничал, не видя той, за которой сегодня приехал. Стоявший рядом двоюродный брат Касымхан тоже пялился в сторону ворот.

— Нет, сегодня она не придёт, — тихо сказал он в затылок Ирека. — Ты видишь, сколько народу собралось? Все жители посёлка на базаре сегодня.

— Все, да не все, — огрызнулся Ирек, не оборачиваясь. — А она придёт, если только уже не пришла, не прошла мимо, а мы её проморгали.

— Ты считаешь, что она уже на базаре? — прошептал Касымхан. — И как мы её не увидели? Прошла через другие ворота?

— Нет, если она придёт, то пройдёт только через эти ворота, — буркнул Ирек, не оборачиваясь. — Изба её ближе к этим воротам, и она всегда ходит на базар отсюда.

— Послушай, брат, а давай за ней приедем в другой раз, — поморщился Касымхан. — Сегодня людей очень много. Если увидят, как мы девку крадем, нас разорвут на части!

Ирек обернулся, смерил его презрительным взглядом и покачал головой.

— Нет, брат, мы сделаем всё сейчас, — сказал он с нажимом. — Моё сердце изныло в тоске, и я хочу забрать её именно сегодня.

— Но-о-о... если мы её проглядели и она уже вошла на базар? — засомневался Касымхан. — Как мы её искать там будем?

— Никуда она не денется, — процедил сквозь зубы Ирек. — Мне один надёжный человек сказал, что сегодня она обязательно придёт со своим братом. Пока брат будет лошадь выбирать и отвлечётся, Нуруз её в юрту заманит и усыпит. Ну а там... мы с тобой сделаем то, ради чего приехали.

Братья перестали разговаривать и вновь заострили внимание на входе на базар.

* * *

Матвей и Сабиржан, орудуя руками и локтями, протиснулись в угол базара, где продавали лошадей. Девушки следовали за братьями.

— Ну вот, — сказал, посмотрев на Сабиржана, Матвей, — мы уже на месте. Но-о-о... как вижу, выбор нынче невелик.

— Сам вижу, — буркнул Сабиржан озабоченно. — Давай выбирать из того, что есть. Уже завтра я должен предстать перед атаманом с конём и во всём казачьем снаряжении.

— Ну вот, — возмутилась Тамара, — вы сейчас будете лошадь выбирать, а мы? Любоваться тем, как вы её выбираете?

Матвей, обернувшись, с недовольством посмотрел на сестру.

— Успокойся, мы недолго будем заняты выбором коня, — сказал он, сведя к переносице брови. — Скажи спасибо, что родители тебя вообще на базар отпустили, а я согласился приглядывать за тобой.

— Стойте здесь, не сходя с места, пока мы делом заняты, — добавил Сабиржан. — Чтобы всё время на виду у нас были, ясно вам?

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I	
ДВА БЕРЕГА РЕКИ.....	3

Часть II	
ПО ПРАВДЕ И СИЛА.....	218

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать, обратившись в отдел краеведения Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20.